

УДК 82-14

**СБОРНИК ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
«ПОДАРОК РУССКОМУ СОЛДАТУ» КАК ЭТАП
ТВОРЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ Ф.Н. ГЛИНКИ**

© 2013 г.

Т.А. Ложкова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

lozhkova@eka-net.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

В процессе жанрово-стилевого анализа военно-патриотических стихотворений Ф.Н. Глинки выявляются специфические особенности авторского сознания, позволяющие видеть в писателе будущего декабриста, представителя гражданского течения в русском романтизме.

Ключевые слова: Глинка, гражданский романтизм, лирический субъект, гимн, песнь.

Ф.Н. Глинка принадлежит к старшему поколению поэтов-декабристов. Особое значение в творческом самоопределении поэта сыграл 1812 год. Эмоциональное потрясение, пережитое непосредственным участником военных событий, нашло художественное выражение в сборнике «Подарок русскому солдату». Оценка значимости военно-патриотических стихов Глинки в науке неоднозначна. Так, В.И. Карпец видит в них продолжение традиции Ломоносова и Державина [1, с. 322]. А.В. Архипова – не очень удачное подражание «Певцу во стане русских воинов» В.А. Жуковского. По ее мнению, главный вклад в развитие декабристского романтизма Глинка внес позднее [2, с. 11]. В.В. Кожин также склонен считать, что обретение Глинкой подлинной творческой индивидуальности произошло лишь в 1820-х годах [3, с. 357]. А вот В.Г. Базанов пытается доказать уже «преддекабристский» характер гимнов Глинки, анализируя их стиль: «Стилистические приемы военно-патриотических стихотворений, в частности, риторические восклицания, рассчитанные на пробуждение патриотических чувств, возвышенно-декламационный стих, ярко выраженная гражданская фразеология – все это предвещает декабристскую поэзию» [4, с. 14]. Но исследователь и сам чувствует недостаточность своих аргументов. Он справедливо замечает, что само по себе наличие характерной фразеологии («верные сыны», «друзья», «отечество», «тиран», «герой» и т. п.) еще мало о чем говорит: практически у всех поэтов, писавших в это время патриотические стихи, можно обнаружить эти же словесные конструкции [4, с. 14]. Г.А. Гуковский также предостерегает от далеко

ведущих выводов [5, с. 204]. Основательно проанализировав стилистику военно-патриотической лирики, широко представленной в известном «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (опубликованном в 1814 году), исследователь убедительно доказывает, что вся поэзия данного типа «проходит под знаком патриотизма, и, что важно в данной связи, подлинный патриотизм в этот решающий момент оказывается освободительным» [5, с. 203]. Но далеко не каждый из писавших военно-патриотические стихи эволюционирует к гражданскому романтизму.

Неоднозначность мнений побуждает нас к специальному анализу военно-патриотических стихотворений Ф. Глинки с точки зрения роли, которую они сыграли в становлении поэта-декабриста.

При первом знакомстве сборник привлекает внимание некоторой экзотичностью выбора жанровых форм. В частности, Глинка обращается к традиции гимнической лирики. Как известно, гимн – жанр, возникший еще в долитературную эпоху в Древней Греции и представляющий собой один из видов культовой поэзии. В лицейских лекциях П.Е. Георгиевского гимны рассматриваются как начальный этап формирования одической лирики, связанный с народной потребностью выразить чувства «благоговения», «благодарности», необходимостью славословить «верховное существо», «богов и полубогов» [6, с. 152]. В «Словаре древней и новой поэзии...», составленном Н. Остолоповым, читаем: «Новейшими литераторами разделяются древние имны на феургические, или свяшенно-таинственные, на пиин-

тические, или всенародные, и на философические, то есть такие, которые употребляемы были одними учеными или мудрыми людьми в их обществах <...> Гимн должен заключать высокие изображения и высокие чувства, следовательно, требует возвышенного и чистого слога; формы определенной не имеет: бывают в нем стихи всякого размера, даже и вольные» [7, с. 199–201].

В сознании Глинки и его современников гимн был формой всенародной поэзии, выражающей некое объединяющее нацию сильное эмоциональное переживание, отклик на общезначимое событие. От оды гимн отличался своей связью с фольклорной стихией, с глубинными, исконными уровнями общенационального сознания. Близость к народнопоэтической традиции проявлялась и в том, что гимн сохранил элементы древней синкретичности: это было произведение, предназначенное для пения. В послесловии к сборнику, изданному в 1818 году отдельной книжкой, Глинка подчеркивает, что сознательно стремился писать свои стихи в манере, близкой песенной: «Русский солдат любит петь! И радость и горе изливает он в песнях веселых или жалобных» [8, с. 453–454]. Вместе с гимнами в сборник вошли и стихотворения, прямо обозначенные как «песнь»: «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Солдатская песнь, сочиненная и петья во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года», «Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» и пр.). Они также могли исполняться как в декламационной, так и в песенной форме.

Субъектом лирического высказывания в стихотворениях чаще всего является некий «русский воин», непосредственно реагирующий на происходящее. Можно выделить два основных сюжетно-композиционных типа, преобладающих в сборнике. Стихотворения первого типа начинаются с повествовательно-описательной части, далее следует монолог героя, раскрывающий его внутреннее состояние. Так выстроены «Картина ночи перед последним боем под стенами Смоленска и прощальная песнь русского воина», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы», «Прощание». Стихотворения второго типа представляют собой прямое выражение переживаний героя в форме монолога от первого лица («Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою», «Сетования русской девы» и пр.). Следует отметить, что с точки зрения внешней фор-

мы поэт довольно точно следует канонам, принятым в народной лирике, где выделяются два сходных типа сюжетно-композиционной структуры [9, с. 526–535]. Образ воина в песнях Глинки лишен индивидуальной характерности биографического или социального плана, отличается нарочитой обобщенностью, что также сближает его с лирическим субъектом народной песни – носителем массового, коллективного сознания. В стихотворениях «Сетования русской девы» и «Прощание» раскрывается эмоциональное состояние той части нации, которая, не будучи вовлеченной в непосредственные военные действия, переживает не менее острые и глубокие потрясения. В итоге создается впечатление, что поэт старался выразить именно общенациональные чувства, объединяющие народ в мощном эмоциональном порыве. С этой целью лирическое переживание объективируется, передается от лирического «Я» некоему «другому» – безымянным «русскому воину», «русской деве». Отстраненность лирического переживания от автора стихотворений подчеркивается и тем, что в большинстве «песен» в качестве обозначения лирического субъекта используется множественная форма первого лица – не «Я», но «Мы»:

*Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоненный,
Грозит нам рабством и ярмом!* [8, с. 117].

Глинка вводит в повествование окрашенные мощной экспрессией картины внешнего мира, которые помогают объективации лирического переживания:

*Темнеет бурна ночь, темнеет,
И ветр шумит, и гром ревет;
Москва в пожарах пламенеет,
И русский воин песнь поет...* [8, с. 127].

Эффект объективации лирического переживания достигается и благодаря использованию некоторых традиционных для древней русской словесности образов и мотивов. Так, в «Сетованиях русской девы» безошибочно угадываются интонации и мотивы из плача Ярославны:

Ветер тихий, ветер тихий,
Тиховейный сын весны,
Ты зачем так долго медлишь
В милой родине моей?..

...Потеки, река родная
К другу сердца в чуждый край.

Там на знойном битвы поле
Жаждет воин молодой:
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой! [8, с. 128].

Глинка стремится использовать стиховые формы, близкие устно-поэтическим, в частности – безрифменный трехударный стих, интонационно близкий тоническому былинному:

*Затихал на бранном поле
Битвы грозный шум,
И Смоленски древни стены,
Гордых башен ряд
Приоделись мраком ночи:
Бил полночный час!
Но к покою не склонялся
Храбрых россов стан:
Не дремали мудры вожди,
Думу думали,
Как в страну свою родную
Не пустить врагов?» [8, с. 119–120].*

Благодаря использованию специфических образов (древние башни и стены Смоленска – города с героической историей), характерной лексики («бранное поле», «храбрые россы», «стан»), фольклорных клише («думу думали») Глинка создает богатый ассоциативный фон, призванный пробудить у читателя чувство патриотической гордости, передать величие души воинов, готовящихся к очередному сражению. Лирическое переживание разрастается в масштабах, оказывается связанным с героикой общенационального бытия. Этому способствует и активное введение в песни и гимны устойчивого мотива богатырства, укрупняющего образы русских воинов, вписывающего их в мощный героический контекст. Почему же стихотворения, вошедшие в сборник, не стали народными песнями, остались внутренне чуждыми простым солдатам, для которых вроде бы создавались?

На наш взгляд, все дело в том, что чувства, выраженные в этих стихотворениях, только кажутся общенародными. Вчитавшись в тексты внимательно, мы довольно быстро обнаруживаем, что «русский солдат», объективированный от автора носитель лирического переживания, как раз выделяется из общей воинской массы. Не случайно доминирующей формой лирического высказывания в героических песнях является призыв, обращение к воображаемым слушателям:

*Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть –
чем в рабстве жить» [8, с. 118].*

Такая форма является знаком неслиянности внутреннего состояния субъекта высказывания и тех, к кому он обращается. Он уже готов идти в бой, а других нужно на это настроить, он – носи-

тель памяти о подвигах предков, а другим нужно о них напомнить, он бодр и смел, а в остальных нужно смелость и бодрость пробудить. Вот почему лирическое высказывание может быть лишь формально обозначено как «песнь», но фактически оно облечено в композиционную форму монологического. Так, в стихотворении «Картина ночи перед последним боем под стенами Смоленска и прощальная песнь русского воина» читаем:

И воспел тут воин русский

Песнь прощальную:

«Друзья мои, товарищи, сподвижники в боях!
Настанет скоро страшный день, и битва загремит!

Застонет дол и темный бор от сечи роковой,
И ясну утренню и солнца лик златой

Затмит, поднявшись тучами, над смертным полем дым!..» [8, с. 121–122].

Чувства, которые изливаются в песне, несут на себе отпечаток индивидуальной характеристики. Герой говорит, например, о своих смутных предчувствиях:

Предчувствие унылое

ко мне закралось в грудь!

Уже зари вечерняя не видеть мне в сей день!

В сей день в кипящей сече

я паду на грудь тел,

Потускнут и засыплются песком

мои глаза...» [5, с. 122].

Такую же личную окрашенность обретают рассуждения о невозможности смириться с угрозой рабства:

Как тяжело жить

под чуждыми законами врагов!

Не ясно солнце красное тоскующим в плену,

Не видит звезд и месяца раба слезящий взор!

И самый хлеб постыл ему,

и соль ему горька!» [8, с. 122].

Здесь все пропущено через душу, это слова человека, выражающего собственные горькие переживания в воображаемой ситуации. И конечно не случайно на *скрижали*, которую друзья в будущем возложат на могилу героя, обязательно будут выбиты слова: «Во всех кровавых сечах он в передних был рядах». Прощальная песнь, которую поет герой перед товарищами, представляет собой нечто вроде пророчества собственной судьбы. Его душа оказывается способной предвидеть будущее, проникать за завесу тайны, скрывающей от обычных смертных замыслы высших мировых сил. Этим он отличается от обычных воинов, он не такой, как все. Вот почему его образ в финале резко вырастает в масштабах:

Под тучами картечь и пуль

наш друг был смел и бодр!

*В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовой,
тревожит вражий стан.
«Партизан Давыдов», [8, с. 134].*

Все эти донцы, казаки, кучи мужиков и конных баб воспринимаются читателем лишь в качестве статистов, послушно следующих за вождем и выполняющих его приказы. Образ воспеваемого героя заметно гиперболизирован:

*Пред ним трепетали дунайские воды
И берег Секваны дрожал
Донцам и Платову дивились народы,
И мир его славным назвал! [8, с. 132].*

Знаком исключительной судьбы, роковой ее предопределенности может оказаться фамилия героя:

*Героям древности он благородством равен,
Душой прямой россиянин,
О нем вещал бы нам и предок-славянин:
«Се – славен!» [8, с. 133].*

Наконец, деяния героя воспринимаются как настоящие чудеса, на которые не способен человек обычный:

*О, Фигнер был великий воин,
И не простой... он был колдун!..
При нем француз был вечно беспокоен...
...И, не истратив ни патрона,
Берет две трети эскадрона...
И вот опять на месте стал,
Как будто и не он!.. [8, с. 134–135].*

Даже конец партизанской деятельности Фигнера представляет собой мистическую тайну:

*Где он, герой? Куда ж девался он?
Никто не знает, неизвестно!
Его искали повсеместно:
На поле битвы, по лесам;
Но он остался в ненайденных,
Ни между тел, ни между пленных.
Его безвестен жребий нам!... [8, с. 138].*

Как известно, прототип воспеваемого героя, А.С. Фигнер, утонул в реке, недалеко от города Дессау, пытаясь вырваться из вражеского окружения. Персонаж стихотворения Глинки таинственно исчезает, подтверждая тем самым сверхъестественность своей личности: «Он был прямым богатырем / И чудом... как Бова, Донский королевич!..»

На первый взгляд, в стихотворении «Смерть Фигнера», которому дан подзаголовок «Опыт народной поэзии», Глинка попытался воспроизвести форму народной легенды о герое-избавителе от общенародной беды, чудесно явившемся в нужный момент, и так же чудесно исчезнувшем. Стихотворение строится как ряд устных высказываний-воспоминаний о славных

подвигах Фигнера. Однако высказывания эти – результат эмоциональной реакции лирического субъекта на рассказы очевидца, сражавшегося с Фигнером бок о бок. Тем самым, с одной стороны, авторское восхищение героем получает безусловный характер, благодаря авторитету народной молвы. Но, с другой стороны, эта молва лишь дала толчок буйной фантазии автора. Читателю предлагаются не сами рассказы, но образы, возникшие в сознании слушающего и жадно впитывающего чудесные легенды мечтателя. При этом Глинка не разрушает ощущения достоверности повествования. Он упоминает о фактах из реальной биографии прототипа своего героя:

*Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк;
Он едет вечером к французам на бивак
И в карты козыряет с ними,
Поет и пьет...и распростился он,
Как будто с братьями родными...*

[8, с. 134–135].

Фигнер действительно прославился необычайно дерзкими, безумно смелыми предприятиями, в частности, несколько раз отправлялся в лагерь врага, надев французский мундир [10, с. 294]. Но не деяния героя поражают воображение автора, а его необыкновенная личность. Стремясь максимально полно раскрыть его внутренний мир, Глинка дает ему возможность высказаться: в кульминационный момент сражения под Дессау описание событий замещается монологом Фигнера, обращенным к соратникам:

«Бей сбор! Муштучь! Труби!

Вся партия к походу!

Француз объехал нас дугой

И жмет к реке. Друзья, назад нам –

прямо в воду!

Вперед – на штык, на смертный бой!

Но я, друзья, за вас в надежде,

Что слово *смерть* не испугает вас:

Не все ль равно, что годом прежде,

Что позже десятью возьмет могила нас!..»

[8, с. 137].

В критической ситуации неожиданного столкновения с французами не совсем уместными кажутся в устах командира рассуждения о смерти. Но они необходимы Глинке для того, чтобы полнее раскрыть причудливый мир души героя, переполненной жаждой самоутверждения, бросающей вызов самой судьбе. На помощь приходит и память жанра. Воспевая своих персонажей в гимнах, Глинка фактически мифологизирует их образы, приравнивая к «богам

и полубогам», утверждая их почти сверхъестественную исключительность. Утрачивая индивидуально неповторимые черты, персонажи сливаются в некий единый обобщенный образ идеального героя, мятежной, мощно чувствующей личности, полно и подлинно живущей лишь в момент битвы. Образ этот откровенно субъективен, он несет на себе печать авторской души и, по сути, является еще одним авторским двойником.

Таким образом, сборник «Подарок русскому солдату» являет читателю не столько летопись духовной жизни русского народа в годину тяжелых испытаний, сколько самораскрытие души автора стихов, ощущающего себя личностью необыкновенной, исключительной, дерзкой активно вмешиваться в перипетии окружающего ее бытия в качестве лидера, вождя, увлекающего за собой простых смертных. Поэт осознанно или неосознанно воспринимает самого себя в качестве идеального носителя общенационального духа, личности, в которой этот дух воплотился наиболее полно и ярко. Раскрывая свой внутренний мир в песнях и гимнах, такая личность предлагает читателю самое себя, собственный тип сознания и поведения в качестве нормы, образца для подражания. Мы сталкиваемся с вариантом построения взаимоотношений между искусством и жизненным поведением человека, специфическим уже для роман-

тизма. Именно в содержании внутренней жизни лирического субъекта и проявляется преддекабристский характер ранней героической лирики Глинки.

Список литературы

1. Карпец В.И. И мне равны и миг, и век... // Глинка Ф.Н. Сочинения. М., 1986. С. 309–328.
2. Архипова А.В. Литературное дело декабристов. Л.: Наука, 1987. 190 с.
3. Кожин В.В. О «ютчевской» школе в русской лирике (1830–1860-е годы) // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 345–385.
4. Базанов В.Г. Ф.Н. Глинка // Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 5–54.
5. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 354 с.
6. Георгиевский П.Е. Разделение лирических стихотворений // Красный архив. 1 (80). М., 1937. С. 149–161.
7. Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ: В 3 т. СПб, тип. Императ. Рос. Академии, 1821. Ч. 1.
8. Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 502 с.
9. Аникин В. П. Русское устное народное творчество М.: Высш. школа, 2001. 726 с.
10. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Е.В. Тарле. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 6–350.

THE COLLECTION OF MILITARY PATRIOTIC POEMS «A PRESENT TO THE RUSSIAN SOLDIER» AS A STAGE OF F.N. GLINKA'S CREATIVE SELF-IDENTIFICATION

T.A. Lozhkova

The author analyses the genre and style peculiarities of F.N. Glinka's military patriotic poems and reveals the specifics of the poet's mentality that characterize this writer as a future Decembrist and a representative figure of Russian literary romanticism.

Keywords: Glinka, civil romanticism, lyrical subject, hymn, song.